

Иосиф Бродский в эссе «Fondamenta degli incurabili», опубликованном в последнем номере журнала «Октябрь», рассказывает об известной скрипачке, игравшей в венецианском палаццо пьесу Вивальди. Когда она приблизилась к пассажи, где нужно было перевернуть страницу, не прерывая игры, в зал вошел человек и остановился у дверей, потому что все места были заняты. Человек, которого она заметила краем глаза, вдруг исчез из поля зрения. Пассаж приближался, беспокойство возрастало. И вот ровно в ту секунду, когда требовалось перевернуть страницу, слева от нее возникла рука, протянулась к пюпитру и медленно перевернула лист. Так она познакомилась со Стравинским.

Мне кажется, в трудные для человечества минуты искусство оказывается именно той рукой, помогающей перевернуть страницу, чтобы люди продолжали без запинки исполнять свою сложную жизненную партию. Понятия «искусство» и «культура» часто смешивают, полагая, что это одно и то же. Но искусство лишь малая часть культуры. Культура — это вся наша жизнь, включая дебаты в парламенте, отношения между людьми, заботу о стариках и больных, воспитание детей. Милосердие — важная составляющая культуры. Ее призваны нести в общество деятели искусства. Для нас искусство — религия, молитва, с которой мы обращаемся к людям. Она не может быть злой, молитва вызывает к добру начало в человеке.

Должен признаться, что «Виртуозы Москвы» — счастливые люди. Не только потому, что, сыграв свыше тысячи концертов, мы выходим на сцену практически в том же составе, что и в первый раз: это само по себе величайшая редкость. Но потому, главным образом, что нашли отклик. Мы услышаны. Мы стучали, и нам отворили. Неловко говорить о себе, но «Виртуозы» действительно имеют очень большой успех в мире. Однако такой любви, как здесь, мы не знаем больше нигде. Я чувствую это по мельчайшим деталям, когда, например, в Томске, где мы играли три концерта в день, нам приносили из дому пироги. Я скажу, наверное, странную вещь, но в моих глазах Союз не разрушился. Я не воспринимаю слова: экономическое пространство, информационное. Для меня это пространство заполнено друзьями, живыми людьми. Искусство, быть может, единствен-

ное поле, на котором еще может что-то взойти, прорасти духовное единение. Мне необыкновенно дороги те концерты, которые мы провели сейчас в Москве, Петербурге и Тольятти. Люди, пришедшие на них, вселили в меня надежду; их восприимчивость к прекрасному и полная душевная отдача опровергают мнение о том, будто впереди только мрак. Мы непременно будем приезжать сюда, для нас выступления на родине — потребность сердца.

Распад страны, отторжение людей и народов я переживаю как трагедию. Какое же надо было сделать над собой усилие, сколько заглушить человеческого, чтобы позволить то, что происходит в Карабахе! Мне думается, что в основе национальных распри лежит превратно понятый патриотизм. Лев Толстой, называя патриотизм рабством, последним прибежищем негодяев, полагая, подразумевал его крайние, отвратительные формы: когда один народ считает себя избранным, а остальные не ставят ни во что. Если каждый замыкается на самом себе, случается всеобщее замыкание, что, как известно, ведет к выбиванию фазы. Но я уверен: слушаю музыку, люди эту замкнутость преодолевают, ибо музыка — утешение души, она и через века доносит закодированные понятия добра и красоты.

Я вижу, что нынешнее положение вещей вызывает в обществе неуверенность и страх. И думаю, что различные фонды помощи, которые создаются сейчас, — своего рода защита от страха потерять нечто большее, чем материальные ценности. Со своей стороны я тоже хочу оказать стране всевозможную помощь. Я имею в виду не только приобретение медицинского оборудования, посылку продуктов питания детям и тому подобное, что мы делали всегда, задолго до того, как благотворительность вошла в моду. У меня есть идея, которую я обговаривал с важными людьми в Европейском совете в Страсбурге, ибо для хорошего дела требуется много компонентов: помимо финансов, и большая концентрация духовной энергии. Я хотел бы создать всеевропейскую академию искусств, которая поддерживала бы талантливых молодежь.

Мне хотелось бы собрать здесь одаренных детей и на два-три года вывезти их в Европу, чтобы они изучали язык и значительно быстрее прошли этап возрождения. Неверно, что, уехав



Владимир СПИВАКОВ,
художественный руководитель
оркестра «Виртуозы Москвы»

на какое-то время, человек отрывается от своей страны. Напротив, издавелек особенно сильно ощущаешь притяжение России, ее духовный потенциал. Я совершенно по-новому теперь слышу русскую музыку, я понял истоки торжественной грусти Чайковского. Обаяние России не отпускает, оно необъяснимо, но захватывает каждого, кто соприкоснулся с этой страной. Возможно, те немыслимые, непереносимые страдания и муки, что выпали на ее долю, создали тот российский феномен, когда сила сопротивления вызвала к жизни другую силу — духовную.

Но с горечью обнаруживаю и то, что все еще жива чеховская формула: человека-то забыли, вот ужас! Человека забыло правительство, и, как точно выразил это Юрий Афанасьев, власть в России еще не стала продолжением общества. Люди стоекки переносят лишения, но как мало делается, чтобы помочь им сейчас и в будущем. Все кричат о конвертируемости рубля, я это понимаю. Но вопросом первостепенной важности мне представляется воспитание, просвещение. Нашим детям входить в XXI век. Об этом нужно думать, о развитии личности. Ведь то, что называется экономическим чудом Японии, обязано своим появлением как раз широкому и целенаправленному образованию.

Где искать точку опоры в это трудное переходное время? У меня, к сожалению, нет точного рецепта. Но все же стоило бы думать не столько о себе, сколько о других, ибо многим хуже, чем тебе, и они достойны жалости и участия. Тургенев в одном из белых стихов пишет о человеке, к которому на улице обратился нищий. У того ничего с собой не было, и он просто протянул просящему руку. Как Стравинский — к странице партитуры.